

Чэн Цзиньци не стал ни подтверждать, ни опровергать это — он ведь никогда не был просто послушным псом, плетущимся в хвосте у Цзян Вань.

Лифт с тихим сигналом достиг нужного этажа, и Чэн Цзиньци, прижимая к себе Цзян Вань, вернулся домой. Он уложил его в комнату, предназначенную только для него, и, глядя, как Цзян Вань погружается в темные простыни, не ушел, а остался стоять у кровати, глядя на него сверху вниз.

Прижавшись щекой к прохладному, шелковистому белью, которое немного остужало жар, вызванный алкоголем, Цзян Вань довольно выдохнул. Он заерзал на кровати, с трудом приподнялся и, небрежно стянув толстовку и сбросив брюки, остался в одной легкой майке и белье.

Цзян Вань был хорош собой, и с самого детства привлекал к себе неисчислимое множество мужчин и женщин. Сам он считал себя натуралом и никогда не придавал этому особого значения, но это не означало, что у него не было осторожности — просто с близким другом, Чэн Цзиньци, он мог позволить себе быть настолько расслабленным.

В спальне горел лишь прикроватный светильник, погружая комнату в полумрак. Шторы были раздвинуты, и ночной центр города сиял огнями. Чэн Цзиньци, до этого неподвижно застывший у кровати, наконец пришел в движение. Он подошел к окну, задернул шторы, а затем снова посмотрел на свернувшегося калачиком на кровати Цзян Вань.

Рост Цзян Вань был сто семьдесят восемь сантиметров — не так уж много, но пропорции были идеальными: стройные, красивые ноги, тонкие, но не сухие. Когда он лежал, вытянувшись, отчетливо проступали чувственные линии от бедер к ягодицам, переходящие в узкую талию. Любые облегающие брюки на нем неизменно привлекали внимание, но сам Цзян Вань не придавал этому значения — что, впрочем, было одной из причин, почему среди его поклонников было так много мужчин.

Чэн Цзиньци наклонился, его пальцы медленно приблизились к Цзян Вань, а взгляд, скользнув по плотно сомкнутым векам, опустился на губы.

— Вань?

Цзян Вань не слишком хорошо переносил алкоголь, а сегодня явно переборщил. Сейчас его мучила головная боль и тошнота, поэтому, услышав голос Чэн Цзиньци, он лишь невнятно отозвался:

— М-м...

Кончики пальцев Чэн Цзиньци зависли над губами Цзян Вань, но в последний момент скользнули мимо. Он схватил одеяло и решительно накрыл им Цзян Вань. Тот попытался было сопротивляться, вяло отталкивая одеяло рукой, но Чэн Цзиньци жестко прижал его края к

матрасу.

После пары безуспешных попыток выбраться Цзян Ваньи сдался. Свернувшись под одеялом так, что было видно только лицо, он, судя по всему, крепко уснул.

Чэн Цзиньци склонился совсем низко, вглядываясь в лицо Цзян Ваньи. Тот приоткрыл губы, дыша во сне, и вдруг повернулся, сменив позу с бока на спину. Его дыхание мягко коснулось губ Чэн Цзиньци.

Чэн Цзиньци опустил взгляд, опустился на колени на кровать и бережно провел пальцами по волосам Цзян Ваньи, пропуская их сквозь пряди, а затем уперся рукой в подушку рядом с его головой.

Щелк.

Раздался тихий звук затвора. Чэн Цзиньци, неизвестно когда доставший телефон, сделал снимок, так и застыв на коленях над Цзян Ваньи.

Сделав фото, Чэн Цзиньци немедленно поднялся и, не оглядываясь, вышел из комнаты, не забыв по пути прикрыть за собой дверь.

Когда дверь закрылась, в комнате воцарилась тишина. Цзян Ваньи снова перевернулся, обняв одеяло, которое до этого сбросил, и, слегка приоткрыв глаза, прежде чем снова их закрыть, пробормотал:

— Извращенец.

Чэн Цзиньци отправился в кабинет. Тот был просторным и широким, а одна из стен была от пола до потолка заставлена стеллажами, доверху набитыми книгами. Он подошел к полкам и потянул за одну из книг. Послышался едва уловимый щелчок — будто сработал скрытый механизм — и стеллаж разъехался в стороны, открывая вход в тайную комнату.

Внутри было темно. Чэн Цзиньци привычно вошел, и стеллаж за его спиной бесшумно сомкнулся, возвращаясь в исходное положение.

Это было пространство, о котором знал только он. Чэн Цзиньци включил свет: стены были сплошь увешаны фотографиями. Каждая из них отличалась — разные времена года, разное время суток, разные места, но главный герой был один — Цзян Ваньи. Цзян Ваньи во всех своих проявлениях.

Некоторые снимки выглядели довольно старыми, и качество их было далеко не лучшим. Чэн Цзиньци распечатал только что сделанный кадр и прикрепил его рядом с остальными — новое пополнение в его коллекции.

В этой тайной комнате не было окон и мебели, лишь стол и картотечный шкаф посередине. На столе лежали какие-то бумаги и фотографии. На одной из них был запечатлен тот самый молодой человек, которого Цзян Ваньши пнул в ночном клубе. И не только он — здесь были собраны досье на всех тех мимолетных знакомых, к которым Цзян Ваньши так быстро терял интерес.

Чэн Цзиньци подошел, взглянул на фото парня, затем аккуратно сложил все материалы в папку и убрал ее в шкаф. В этом шкафу хранились дела всех тех, кто был для Цзян Ваньши лишь на один раз. К сожалению, никто из них не задерживался рядом с ним дольше недели, так что Чэн Цзиньци не находил нужным уделять им особого внимания.

Закончив, Чэн Цзиньци встал перед стеной с фотографиями. Несмотря на то что Цзян Ваньши находился в соседней комнате, он продолжал стоять здесь, подолгу вглядываясь в эти снимки.

Статус друга давал ему массу преимуществ, но в то же время накладывал бесчисленные ограничения. Сейчас Цзян Ваньши исполнился двадцать один год, и Чэн Цзиньци все меньше удовлетворяла роль простого друга. Даже несмотря на то, что, кроме него, рядом с Цзян Ваньши почти никого и не осталось.

Тем временем Цзян Ваньши спал беспокойно. Недомогание от выпитого не давало покоя, и он постоянно балансировал между сном и явью.

Во сне он вернулся в детство. Сидя на высоком дереве, он видел изможденного Чэн Цзиньци, лежащего в луже крови рядом с бездыханным телом женщины. Это была их первая встреча. Цзян Ваньши, одетый в чистые, нарядные одежды, смотрел сверху вниз на Чэн Цзиньци, который, подобно бездомному щенку, боролся за жизнь в кровавом месиве.

В тот день Цзян Ваньши просил родителей разрешить ему завести щенка, но отец отказал, заявив, что тот быстро ко всему теряет интерес и не сможет заботиться о животном. Отец был прав. И именно в тот миг, увидев Чэн Цзиньци, Цзян Ваньши окончательно перехотел заводить щенка.

У него появился новый интерес. Он не хотел больше заводить собаку. Он хотел завести Чэн Цзиньци.

Цзян Ваньши спустился с дерева, присел перед Чэн Цзиньци, в чьей груди торчали ножницы, коснулся чистыми пальцами теплой крови на его груди и спросил:

<http://bllate.org/book/27468/3337421>